

Мои замѣтки и воспоминанія.

(Автобіографическія записки Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Митрополита Московскаго).

(Продолженіе) ¹⁾.

Служеніе мое въ санѣ Викарія С.-Петербур-
бургскаго.

Ректорство мое въ Петербургской Семинаріи было кратко-временно, продолжалось оно только около года. 1860 года. Марта 13-го я рукоположенъ въ санъ епископа Ревельскаго, викарія Петербургскаго, но оставался и ректоромъ до прибытія моего преемника архимандрита Платона въ концѣ мая. Хиротонія моя совершена въ Исаакіевскомъ кафедральномъ Соборѣ очень торжественно,—митрополитомъ Григоріемъ совмѣстно съ митрополитами Кіевскимъ тогда Исидоромъ и Московскимъ Іосифомъ, и архіепископами Димитріемъ Херсонскимъ и Елпидифоромъ Таврическимъ. На хиротоніи присутствовали: покойный наслѣдникъ Великій Князь Николай Александровичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь, тогда Великій Князь Александръ Александровичъ. Владиміръ и Алексѣй Александровичи. Въ своемъ родѣ это была обстановка хиротоніи замѣчательная. Съ великими князьями присутствовали многіе государственные сановники. На обѣдѣ послѣ хиротоніи въ покояхъ митрополита было 95 человекъ; такое количество объясняется тѣмъ, что я, оставаясь въ Петербургѣ, долженъ былъ пригласить и членовъ Консисторіи, и учебную корпорацію Академіи и Семи-

¹⁾ См. „Б. В.“ 1913 г., ноябрь.

наріи, хотя и не въ полномъ числѣ. Послѣ хиротоніи почти до Пасхи 1860 г. я жилъ еще въ Семинаріи, и читалъ ученикамъ лекціи по богословію. Къ Пасхѣ я перебрался въ Лавру и занялъ квартиру, которая издавна назначена для викаріевъ. Для меня началась новая жизнь. Сразу пришлось устанавливать новыя отношенія къ людямъ, съ которыми прежде и знакомъ не былъ. Зато мнѣ легко было жить и дѣйствовать въ своей ближайшей средѣ, которую я зналъ со всѣхъ сторонъ. Это одна изъ важныхъ выгодъ, которая на первыя поры немногимъ достается.

Къ митрополиту Григорію я имѣлъ отношенія сыновнія. Рѣдкій день, а иногда не одинъ разъ въ день, приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Правда, епархіальными дѣлами онъ не любилъ заниматься самъ много, но зато много писалъ о расколѣ и другихъ предметахъ, любилъ служить и устроить церковное пѣніе; любилъ пѣвчихъ, и хоръ при немъ былъ замѣчательный; съ разныхъ епархій вызывалъ онъ лучшихъ голосовъ, и въ Лаврѣ ввелъ стильный напѣвъ, весьма умилительный. Въ домашней жизни онъ былъ простъ, и при видимой суровости, имѣлъ нѣжное сердце, отзывавшееся на всякія нужды бѣдныхъ. Онъ любилъ природу; заботился о садѣ своемъ, о прудѣ, который устроилъ въ саду въ большомъ размѣрѣ, и наполнилъ рыбою всякаго рода, даже стерлядію, не говоря о карпахъ, окуняхъ, лещахъ и проч. Живя лѣтомъ въ домикѣ, имъ устроенномъ въ саду, онъ самъ въ извѣстное время по звонку созывалъ рыбу и кормилъ ее. Ежедневно, идя на прогулку, митрополитъ Григорій кормилъ и голубей, которыхъ развелось множество при митрополичьемъ домѣ, и которые, потомъ, по смерти его, не получая привычной подачи, разлетѣлись въ разныя стороны. Занощю въ свои замѣтки эти мелочи — какъ характеризующія душу митрополита Григорія. Задумалъ онъ устроить у себя новую крестовую, и по плану, правду сказать, не очень удачному, уже началъ и przygotowательную постройку, компаніе рововъ напримѣръ, но предпріятіе осталось за его смертію несостоятельнымъ. Какъ-то разъ я иду изъ сада, а онъ стоялъ на балконѣ, обращенномъ къ саду, и говоритъ мнѣ, — „Видишь что копаютъ?“ — я отвѣчаю: „Рвы для фундамента“; — „Это мнѣ могилу роютъ“. Удивительное предчувствіе. По смерти его, которая не замедлила, я приостановилъ по-

стройку до прїѣзда новаго митрополита Исидора, который устроилъ крестовую церковь совсѣмъ по другому плану, равно какъ и далъ другое назначеніе мѣсту за соборомъ Лавры, предположенному для братскаго монастырскаго сада съ прудомъ, гдѣ теперь новое кладбище. Въ послѣднее время митрополитъ Григорій еще до болѣзни былъ часто въ тревожномъ состояніи духа, особенно, когда прїѣзжалъ изъ Синода. Не ладилъ онъ съ протопресвиторомъ Бажановымъ, который любилъ порицать дѣйствія его, и въ послѣдніе уже именины свои 2-го Генваря 1860 г. за обѣдомъ у себя, когда провозглашали тостъ за здоровье именинника, и пѣвчіе начали пѣть „многая лѣта“ митрополитъ Григорій громко сказалъ: „Пойте вѣчную память“ (которой конечно не пѣли). Обращаясь взорами къ Бажанову, онъ печально высказалъ: „Я уже старъ сталъ, не гожусь для дѣла; пора мнѣ умереть“. Это тяжело какъ-то отозвалось на всѣхъ. Обвиняли Григорія въ излишнемъ довѣрїи къ домашнему секретарю Надвроцкому, который заправлялъ якобы всѣми дѣлами. Довѣріе—это вполне справедливо, но Надвроцкій не злоупотреблялъ довѣріемъ. Онъ берегъ спокойствіе митрополита, и дорожилъ его честью,—это вѣрно. Несправедливо и нареканіе на взяточничество Надвроцкаго; Петербургское духовенство съ этимъ согласится. Отъ монастырей онъ пользовался приношеніями, особенно изъ Юрьевскаго; но духовенство не могло на него жаловаться. Надвроцкій былъ любимымъ секретаремъ митрополита Никанора, который и образовалъ изъ него дѣльца, которому онъ и дарилъ отъ себя немалыя суммы. Распространился я о Надвроцкомъ; потому что много о немъ въ свое время толковали. Это былъ человѣкъ весьма даровитый и умный, и вовсе не безчестный. Если что можно поставить ему въ вину—такъ это нѣкоторое езуитство, которое объясняется его происхожденіемъ изъ Волыни. Митрополитъ вполне сознавалъ слабость своихъ физическихъ силъ,—и позволялъ секретарю писать по дѣламъ епархіальнымъ. Жаловался на это мой предмѣстникъ преосвященный Агаангеллъ; но при мнѣ только три мѣсяца служилъ Надвроцкій,—и я не имѣлъ поводовъ къ жалобамъ. Митрополитъ Григорій не разъ и мнѣ высказывалъ: „Ну что меня теперь сдѣлали митрополитомъ? Я старъ, забываюсь; лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ,—иное дѣло“.

Однакожь по Синоду онъ очень много занимался, и желалъ сдѣлать нѣкоторыя преобразованія. Когда меня избралъ онъ викаріемъ, говорилъ: „Вотъ я вижу въ тебѣ способность къ администраціи. Я займусь Синодомъ, а тебѣ дамъ управленіе Епархіею“. И дѣйствительно, по смерти его я напелъ три проекта о преобразованіи Синода,—одинъ ему принадлежалъ, другой преосвященному Агаѳангеллу, третій А. Н. Муравьеву. Эти проекты я передалъ митрополиту Исидору; но гдѣ они теперь, не знаю, кажется сданы въ бібліотечу Петербургской Духовной Академіи. Митрополитъ Григорій былъ человекъ почина, или какъ нынѣ говорятъ, инициативы. Еще будучи ректоромъ С.-Петербургской Академіи, онъ основалъ журналъ „Христіанское Чтеніе“. Въ Казани онъ же основалъ „Православный Собесѣдникъ“, въ Петербургѣ „Духовную Бесѣду“. И творенія Св. Отцевъ, издаваемые при Московской Духовной Академіи начаты изданіемъ по мысли Григорія Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Въ Петербургскую Академію онъ пожертвовалъ 5000 р. для преміи за сочиненіе на тему имъ указанную еще при жизни своей; и вотъ доселѣ никто не написалъ задачи. Очень жаль! Самъ Григорій могъ бы послужить темою для сочиненія на ученую степень. Дѣятельность его и въ Академіи, и въ Твери, и въ Казани, и въ Петербургѣ по Синоду была живая и плодотворная. Его поистинѣ можно назвать столпомъ православной Русской Церкви.

Викаріемъ при митрополитѣ Григоріѣ пришлось мнѣ быть недолго,—всего три мѣсяца съ днями. 17-го Іюня 1860 года онъ скончался.—Недолго и митрополитъ Григорій митрополитствовалъ въ Петербургѣ—всего три года и восемь мѣсяцевъ съ днями (1856. Окт. 1-го—1860. Іюня 17-го).

Разскажу о послѣднихъ дняхъ жизни митрополита Григорія и самой кончинѣ его, какъ очевидецъ. До болѣзни своей онъ каждый день (въ маѣ 1860 г.) провѣдывалъ больного, перевезеннаго въ Лавру преосвященнаго Елпидифора, котораго и я навѣщалъ каждый вечеръ. „Не жилецъ, братъ, говорилъ мнѣ Владыка, преосвященный Елпидифоръ. Провѣдываешь ли его ты?“—„Какъ же,—ежедневно“, отвѣчалъ я.—„Я люблю его“, добавилъ онъ. Когда скончался Елпидифоръ (котораго я особоровалъ и приобщилъ Св. Таинъ) 31-го мая въ 9 часовъ вечера почти на моихъ рукахъ,—

Владыка Григорій рѣшился самъ совершить выносъ его тѣла въ Феодоровскую церковь 1-го іюня. Я убѣждалъ его не рѣшаться на это изъ опасенія простудиться на сквозномъ вѣтрѣ, котораго нельзя избѣгать въ корридорахъ Лаврскихъ. Онъ не послушалъ, и вслѣдъ за выносомъ самъ отслужилъ панихиду въ Феодоровской церкви, тогда и лѣтомъ холодной для ногъ по причинѣ каменныхъ плитъ, а онъ былъ безъ галошъ,—и простудился сильно. На погребеніи Елпидифора митрополитъ Григорій уже не присутствовалъ за болѣзнію. Заболѣлъ онъ воспаленіемъ въ легкихъ, и слегъ въ постель. На основаніи словъ доктора Нордстрема мы имѣли надежду на его выздоровленіе; но 16 Іюня вечеромъ вбѣгаетъ ко мнѣ Нордстремъ и въ смущеніи говоритъ: „Дѣлайте свои отряды, митрополитъ не проживетъ до утра“. Такая вѣсть ошеломила меня. Немедля распорядился я приготовленіемъ къ соборованію больного и причащенію. Когда все было готово, я вхожу къ Владыкѣ въ спальню, и говорю: „Позвольте Ваше Высокопреосвященство совершить надъ Вами таинство Елеосвященія“. Онъ съ нѣкоторымъ гнѣвомъ не выразилъ желанія. Постоявши нѣсколько, я опять говорю: „Не мнѣ Васъ учить, вѣдь Елеосвященіе—для выздоровленія совершается“. Опять молчаніе. Я продолжаю: „Да вотъ и завѣщанія у Васъ нѣтъ“.—„Ну что же; развѣ я умираю? Завтра напишемъ“. Несмотря на нежеланіе, я облачился и велѣлъ присутствующимъ архимандритамъ и іеромонахамъ облачиться,—и началъ Елеосвященіе. Владыка въ продолженіи совершенія таинства успокоился и самъ даже подпѣвалъ, и видимо чувствовалъ благодатное утѣшеніе въ душѣ. Приобщилъ я св. Таинъ Владыку изъ лжицы; ибо онъ едва могъ нѣсколько приподняться съ постели. Послѣднія слова его были мнѣ: „алмазные знаки въ Лавру“—сказанныя мнѣ полупшепотомъ отъ ослабленія силъ. Я повторилъ вслухъ сказанное; но безъ завѣщанія—приказаніе осталось безъ исполненія (знаки роднымъ достались). Въ три часа утра 17 Іюня митрополита Григорія не стало. Лаврскій большой колоколь повѣстилъ о печальномъ событіи.—Немедленно я далъ знать телеграммами о кончинѣ Владыки — митрополитамъ: Московскому Филарету и Кіевскому Исидору, а также Казанскому архіепископу Аѳанасію, котораго Григорій любилъ. Погребеніе усопшаго Владыки, было, какъ обыкновен-

но, торжественное; при отпѣваніи присутствовали Государь Императоръ Александръ II съ князьями; и поддерживалъ гробъ при несеніи въ мѣсто упокоенія. Замѣчательно, что когда печальное шествіе приблизилось къ дому митрополита, голуби летали надъ гробомъ въ большомъ количествѣ. Тѣло усопшаго погребено въ алтарь Духовой церкви съ правой стороны, гдѣ нашли мы съ ризничимъ готовую могилу почти случайно; въ самой церкви свободнаго мѣста не оказалось. Первенствующимъ архіереемъ при погребеніи былъ архіепископомъ Димитрій Херсонскій, присутствовавшій въ Синодѣ. Меня послѣднимъ хиротонисалъ митрополитъ Григорій во епископа; мнѣ же Господь судилъ отдать ему и послѣдній долгъ. Да будетъ благословенно имя его, и память его во благихъ!

На другой день послѣ погребенія получилъ я указъ Св. Синода, которымъ поручалось мнѣ, впредь до прибытія новаго митрополита, управлять С.-Петербургскою Епархіею и Александро-Невскою Лаврою. Управление мое продолжалось до 13-го августа 1860 г. Это время для меня памятно во многихъ отношеніяхъ. Молодому архіерею полезно было вникнуть въ суть и епархіальной и лаврской администраціи самолично. Независимо отъ сего полезно было сблизиться по дѣламъ службы и со властями свѣтскими непосредственно. И я съ удовольствіемъ вспоминаю о князѣ Урусовѣ, исправлявшемъ должность Оберъ-Прокурора Св. Синода, уже покойномъ, объ И. Д. Деляновѣ, съ которымъ доселѣ нахожусь въ лучшихъ отношеніяхъ, о С. А. Танъевѣ, покойномъ Плетневѣ, ректорѣ С.-Петербургскаго Университета, и многихъ другихъ. Сближеніе съ такими почтенными людьми разширило мой взглядъ на многое и давало возможность проводить и свои идеи. Князь С. И. Урусовъ—это была личность симпатичная; при тонкомъ умѣ и обширныхъ познаніяхъ, онъ, хотя и не обладалъ твердостію характера, дѣйствовалъ съ пользою, какъ директоръ учебнаго управленія при Св. Синодѣ и нынѣ и. д. Оберъ-Прокурора. Доброта и деликатность его въ обращеніи привлекало къ нему всѣхъ, кто соприкасался съ нимъ. Въ характерѣ его не было никакого деспотизма. Разъ онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ, и поздравляетъ съ новымъ митрополитомъ Исидоромъ, который назначенъ 1-го Іюля 1860 г. „А въ Кіевѣ кто?“—„Варшавскій Арсеній“,—

отвѣчаетъ онъ.—Но теперь вопросъ: Кого въ Варшаву назначить?— „Какъ Вы думаете, преосвященный? Нуженъ чловѣкъ осторожный и благоразумный“. Я указалъ на Саратовскаго Епископа Іоаннікія, какъ знакомаго мною по ректорству его въ С.-Петербургской Семинаріи. „И преосвященный Димитрій.—говорить,—его одобряетъ“. Онъ и былъ назначенъ, — и я первый послалъ поздравительную телеграмму Іоаннікію. Думалъ ли я тогда — быть преемникомъ его въ Варшавѣ. Судьбы Божіи—бездна многа. Съ Плетневымъ видѣлись мы нерѣдко. Однажды онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ съ вопросомъ: „Не знаете ли Вы студентовъ академіи, которыхъ можно бы послать за границу для приготовленія къ профессорству въ Университетѣ?“ Я указалъ ему между прочимъ Владислава, бывшаго въ опалѣ съ другими, по случаю, о которомъ рѣчь будетъ впереди, и находившагося при отцѣ въ Новгородской губерніи. Его вызвали, послали за границу и онъ вполне оправдалъ мою рекомендацію, сдѣлавшись въ послѣдствіи ординарнымъ профессоромъ философіи, а теперь — и ректоромъ. Такой случай не указываетъ ли на бдительность Промысла Божія въ жизни людей.

По управленію Епархіею и Лаврою—шло дѣло обычнымъ порядкомъ. Никакихъ особенныхъ приключеній не случилось, да и время управленія—было короткое. Должность намѣстника Лавры занималъ тогда еще вновь архимандритъ Никаноръ, изъ протоіереевъ Волковскаго кладбища, — чловѣкъ опытный, но не по отношенію къ монастырскимъ дѣламъ и братіи. Подъ монашескою рясою и клобукомъ онъ былъ тотъ же протоіерей, любившій стяжаніе. Авторитета въ Лаврѣ онъ не имѣлъ, да и жилъ недолго, какъ поступившій въ Лавру уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Это замѣчательный во время оно въ Грузинахъ при Аракчеевѣ протоіерей и благочинный надъ духовенствомъ военныхъ поселеній. Авторитетомъ великимъ пользовался духовникъ старецъ архимандритъ Мельхиседекъ не только въ Лаврѣ, но и во всей столицѣ. Это назидательная личность. Онъ умеръ около 90 лѣтъ будучи.—Я и похоронилъ его.

Прибытіе въ С.-Петербургъ Митрополита Исидора и моя служба при немъ.

Августа 13-го 1860 г. прибылъ на Петербургскую Митрополию Исидоръ изъ Кіева. Близъ воротъ Лавры я со всею братією встрѣтилъ его съ краткою рѣчью. Послѣ обычнаго краткаго молебствія въ Соборѣ Лавры, проводили мы новаго Владыку въ домъ его, гдѣ собрались всѣ чины духовнаго вѣдомства съ привѣтствіемъ обычнымъ. Это было утромъ, часовъ въ 12-ть. Первое служеніе его совершено имъ въ Лаврѣ, а второе въ Исаакіевскомъ Соборѣ, гдѣ собрано было все духовенство. Рѣчь произносилъ при входѣ въ Соборъ кафедральный протоіерей А. И. Окуневъ съ большимъ волненіемъ, которое имѣло на него вредное вліяніе, какъ на полнокровнаго. Да и рѣчь-то была не короткая. На обѣднѣ говорилъ вступительное слово митрополитъ Исидоръ. Обѣдню служилъ со мною и преосвященнымъ Нектаріемъ Выборгскимъ—ректоромъ Академіи.

Митрополитъ Исидоръ пріѣхалъ въ Петербургъ съ предубѣжденіемъ противъ Епархіальной администраціи и въ частности противъ нѣкоторыхъ лицъ. Причиною тому, между прочимъ, были безыменныя письма, и одно изъ нихъ, какъ оказалось, писано было Завулонскимъ, помощникомъ секретаря митрополичьяго Надвровцаго, съ очевидною цѣлію очернить людей, ему неприятныхъ. Завулонскій—это самая грязная личность. И я, на первыхъ же порахъ высказался о его взяточничествѣ и развратѣ митрополиту прямо. Но мои слова остались долгое время безъ послѣдствій. Надвровскій, возвратившійся изъ отпуска, тотчасъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, и уѣхалъ на свою родину въ Волынскую губернію, хоть и могъ бы, по гуманности князя Голицына, занять хорошее мѣсто. Нѣкоторое время митрополитъ Исидоръ и ко мнѣ относился холодно, недобѣрчиво, что меня оскорбляло; но скоро отношенія наши сдѣлались самыми искренними и лучшими. Владыка увидѣлъ, что я дѣйствую и дѣйствую съ полнымъ безпристрастіемъ, прямо и открыто, и позволю себѣ сказать,—съ знаніемъ дѣла. На первыхъ порахъ моя дѣятельность митрополиту Исидору очень пригодилась, такъ какъ я зналъ всѣхъ людей, съ которыми по Епархіальному управленію были сношенія, а они въ Пе-

тербургѣ очень разнообразны. Почти каждый день я ходилъ къ митрополиту съ докладами, и самъ къ нему носилъ консисторскіе протоколы. Секретарей консисторіи онъ очень рѣдко звалъ къ себѣ; я съ ними вѣдался обыкновенно. Не легко это мнѣ было при частомъ служеніяхъ въ Исаакіевскомъ и Петропавловскомъ соборахъ. Собственно я одинъ былъ викаріемъ (ректоръ Академіи числился только викаріемъ номинально) и несъ на себѣ все бремя, которое послѣ меня раздѣлено на двухъ Епархіальныхъ викаріевъ. Въ Исаакіевскомъ Соборѣ приходилось служить до 40 разъ—ибо тогда еще царскіе дни не были сокращены; въ Петропавловскомъ—по случаю панихидъ по усопшимъ высочайшимъ особамъ—тоже не менѣе 30-ти разъ въ годъ. Потомъ число и этихъ службъ сокращено. Если прибавить къ этому великіе церковные праздники, и особыя случаи,—то и выйдетъ, что въ недѣлю приходилось три, четыре дня богослуженій. Очень часто случалось, что сначала сходишь къ митрополиту съ дѣлами, а оттуда прямо ѣдешь въ Соборъ или Исаакіевскій или Петропавловскій для служенія литургіи. Но молодыя силы все выносили.—

Въ продолженіи трехъ съ половиною лѣтъ моего служенія викаріемъ при митрополитѣ Исидорѣ, я четыре раза обзрѣвалъ епархію, и осматрѣлъ всѣ уѣзды. Это обзрѣніе доставляло мнѣ при трудѣ и частыхъ богослуженіяхъ въ селахъ, истинное удовольствіе. Съ пріятностію встрѣтили меня бывшіе мои ученики—священники, и съ полною откровенностію при ревизіи передавали свѣдѣнія, нужныя для улучшенія пастырскаго дѣла. Тутъ-то я увидалъ, что значить добрая закваска въ Семинаріи, что значить привычка къ порядку съ юности. Даже тѣ, которые въ Семинаріи прихрамывали морально, оказались дѣятелями усердными въ приходяхъ.

Памятно мнѣ мое посѣщеніе г. Ревеля, и на пути туда—Нарвы, Вейсенштейна и Везенберга (въ 1861 г.). Въ Ревель,—какъ Епископъ Ревельскій, я прожилъ нѣсколько дней; служилъ въ Соборѣ и Никольской церкви. Хотя это и нѣмецкій городъ; но русскихъ было тамъ довольно, да и нѣмцы держали себя хорошо. Ко мнѣ являлись пасторы, съ которыми довольно бесѣдовалъ, какъ знающій нѣмецкій языкъ. Приглашенъ я былъ осматрѣть знаменитый лютеранскій соборъ Олая, гдѣ тогда еще можно было видѣть окаменѣлое

тѣло герцога де ла Кроа, а также и залу черноголовыхъ (Schwarzen Häupte), гдѣ помѣщены портреты Ревельскихъ и нѣмецкихъ важныхъ особенно дѣятелей. Изъ русскихъ тамъ я нашелъ только портретъ князя Суворова, котораго такъ любили нѣмцы за побряжку имъ въ ущербъ русскихъ интересовъ. Въ Никольской (деревянной) православной церкви послѣ служенія я осматривалъ ее тщательно. Въ алтарѣ на одной изъ стѣнъ я увидѣлъ изображеніе (литографированное полотнянное) бывшаго митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣвича въ мужицкомъ кафтанѣ и шапкѣ. Спрашиваю: „Для чего онъ тутъ виситъ?“. Отвѣчаетъ священникъ—„Онъ здѣсь погребенъ въ церкви“.—„Какъ такъ?“ Оказалось, что около того мѣста, гдѣ погребенъ Арсеній Мацѣвичъ (около праваго клироса) была тюрьма, и при постройкѣ послѣ церкви могила его вошла въ пространство, занятое южною стороною храма. Такъ иногда Господь посрамляетъ судь челоувѣческой. Прозванный Екатериною II—Андреемъ Вральскимъ—выстрадалъ мзду у Господа, и долго служившій св. Церкви сверхъ чаянія удостоился лежать тѣломъ подѣ церковію.

Помнится мнѣ посѣщеніе Валаамскаго монастыря, который поручено мнѣ было осмотрѣть съ особенною цѣлю (1862 г.). Время для поѣздки на Валаамъ на пароходѣ избрано было мною въ концѣ Іюня, чтобы въ храмовой праздникъ 28-го и 29-го отслужить въ монастырѣ, когда бываетъ огромное стеченіе народа. Меня сопровождала свита, достаточная для того, чтобы совершить богослуженіе, сколько можно, торжественно. И не забуду я никогда всенощной подѣ 28-е Іюня на Валаамѣ. Долго она продолжалась, но то умиленіе, которое производило въ душѣ цѣніе монаховъ, незамѣтнымъ дѣлало продолжительность службы. Валаамъ—это въ физическомъ отношеніи чудное созданіе Творца—своими высокими скалами съ изумительною растительностію; онъ невольно заставляетъ мудрствовать о горнемъ. Въ аскетическомъ—это образъ монашества древнихъ временъ самаго строгаго: въ хозяйственномъ—это идеальнаго благоразумнаго умѣнья пользоваться природою, побѣждая съ трудомъ для удовлетворенія монастырскихъ потребностей. Я не стану описывать того, что описано многими подробно: а скажу, что своимъ можно сказать, величіемъ Валаамъ обязанъ игумену Дамаскину, ради котораго главнымъ об-

разомъ я и прибылъ въ Валаамскій монастырь. На Дамаскина наговорено было и благочиннымъ монастырей и его сподручными много нехорошаго, обвиняли его въ наклонности къ расколу, въ опущеніи богослуженій даже въ праздничные дни и проч. Нужно было все провѣрить. И по самой тщательной провѣркѣ Дамаскинъ оказался правъ, а причины клеветы оказались очень неблаговидными, недоказанными фактически. Я по возвращеніи въ Петербургъ доложилъ подробно все митрополиту Исидору, и просилъ изъять Валаамскій монастырь отъ благочинія посторонняго ¹⁾. а назначить его же самого вполнѣ отвѣтственнымъ и поручить ему благочиніе надъ Коневскимъ монастыремъ, который находился, какъ я усмотрѣлъ, въ разстроенномъ состояніи. По моему ходатайству игуменъ Дамаскинъ получилъ орденъ св. Анны 2-й степени, не имѣя 3-й. Заяшу это въ свои замѣтки потому, что перемѣна, сдѣланная по случаю моей ревизіи—составила, можно сказать, эпоху на Валаамѣ. Старецъ Дамаскинъ переписывался со мною до смерти; а онъ жилъ, кажется, болѣе 90 лѣтъ. Не удалось мнѣ послѣ быть на Валаамѣ; но несомнѣнно, что и по смерти Дамаскина духъ его живетъ въ обители. По просьбѣ Дамаскина я ходатайствовалъ у митрополита, чтобы не посылать на Валаамъ эпитимныхъ, и ходатайство уважено.

Поѣздка въ Парижъ для освященія церкви православной.

Особенно памятное для меня событіе во время бытности моей викаріемъ—это поѣздка въ Парижъ. Не мало было предварительныхъ толковъ о посылкѣ православнаго архіерея для освященія церкви, устроенной стараніемъ протоіерея Васильева (уже давно, съ 1848 г. служившаго при посольствѣ въ Парижѣ). Толки кончились по мысли Московскаго митрополита Филарета и желанію Владыки—послать меня—какъ викарія С.-Петербургскаго митрополита, которому подчинены всѣ заграничныя церкви. Высочайшее повелѣніе состоялось въ августъ 1861 г. въ отсутствіи митрополита Исидора, который находился въ г. Задонскѣ для открытія мощей Святителя Тихона. Получивъ указъ Св. Синода, я не-

¹⁾ Благочиннымъ былъ архимандритъ Сергіевской Пустыни.

медленно телеграфировалъ митрополиту Исидору о данномъ мнѣ порученіи. Онъ телеграммою же велѣлъ мнѣ дожидаться его возвращенія. 21-го августа онъ возвратился въ Петербургъ; а 22-го я отправился въ Парижъ со свитою. Свиту составляли: о. архимандритъ Аввакумъ, протоіерей Полисадовъ (Василій), протодіаконъ Оболенскій, два иподіакона и 16 человекъ пѣвчихъ изъ митрополичьяго хора во главѣ съ регентомъ Львовскимъ, а также жезлоносець и книгодержецъ. На расходы туда и обратно намъ дали 4000 р. золотомъ. Протоіерей Васильевъ уѣхалъ ранѣе насъ на недѣлю къ своему мѣсту, чтобы приготовить все нужное къ нашему прибытію. Мы все время ѣхали по чугункѣ такъ называемымъ шнельцугомъ—скорымъ поѣздомъ, и въ Парижъ прибыли 27-го августа вечеромъ, часовъ въ восемь. На дебаркадерѣ насъ встрѣтила русская колонія, чиновники посольства, русское духовенство, во главѣ съ Васильевымъ, какъ мѣстное—такъ и собравшіеся изъ другихъ посольскихъ церквей Южной и Западной Европы, и весьма большая толпа французовъ. Встрѣча насъ поразила своею пышною обстановкою, и признаюсь, я нѣсколько смутился—зрѣлищемъ еще невиданнымъ, и почетомъ мнѣ столь блестящимъ. Остановились мы въ церковныхъ домахъ,—я въ квартирѣ протоіерея Васильева,—свита въ домѣ, гдѣ жилъ причтъ церковный—на одномъ же дворѣ. Послѣ обычныхъ приготовленій—30-го августа совершенно мною освященіе прекрасно устроенной церкви во имя св. великаго князя Александра Невскаго. Освященіе это было единственное въ своемъ родѣ по своей обстановкѣ, по присутствіи въ новомъ храмѣ лицъ высокопоставленныхъ изъ иностранцевъ. Да и русскіе представители были знаменитые: графъ Киселевъ—посланникъ нашъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ И. М. Толстой, церемоніймейстеръ Хитрово, графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій и многіе другіе. Во главѣ французской знати—былъ министръ двора маршалъ Вальянь. Нѣсколько прелатовъ-кардиналовъ тоже присутствовали въ церкви. Со мной служили обѣдно архимандритъ Аввакумъ (къ сожалѣнію изъ Рима не могъ прибыть по болѣзни архимандритъ Палладій), протоіерей Васильевъ, протоіерей Полисадовъ, изъ Штуттгардта—Базаровъ, изъ Берлина—Серединскій (котораго я въ Парижской церкви по порученію митрополита посвя-

тилъ въ протоіерея), священникъ изъ Мадрита Колоповскій, изъ Швейцаріи—Петровъ, мѣстный парижскій—о. Прилежаевъ съ діакономъ Бѣлоросовымъ. Хоръ пѣвчихъ пѣлъ такъ стройно, такъ хорошо, что вызывалъ *ласкныя* одобренія французовъ. На лѣвомъ клиросѣ пѣли французы пѣвчіе русскими словами, написанными по-французски. Торжество вообще вышло превосходное. Я сказалъ при концѣ обѣдни на русскомъ языкѣ слово, которое на другой же день явилось во французскихъ газетахъ въ переводѣ. Современныя газеты подробно описывали всю церемонію, и мой портретъ явился во всѣхъ почти Европейскихъ газетахъ, и даже азиатскихъ. Протоіерей Полисадовъ помѣстилъ описаніе въ журналѣ „Духъ Христіанина“ довольно полное. Въ Парижѣ фотографическихъ карточекъ, какъ сказывалъ мнѣ фотографъ Левицкій, разошлось на 10,000 р. Вотъ какъ любопытны французы!

Въ парижской церкви я служилъ послѣ, 30-го августа—еще два раза. Любопытство французовъ привлекало ихъ массу въ храмъ нашъ. Дворъ церковный всегда почти былъ полонъ народомъ,—и я выходилъ изъ комнаты, чтобы показаться въ своемъ костюмѣ, и благословлялъ желающихъ, а ихъ было очень много, чему я изумлялся. Съ пріятностію я видѣлъ вѣжливость, деликатность французовъ въ отношеніи къ намъ. Имѣя довольно свободнаго времени, я посѣтилъ всѣ дворцы и болѣе замѣчательные костелы, въ своемъ же одѣяніи монашескомъ,—и вездѣ встрѣчалъ вѣжливую предупредительность. Пребываніе мое въ Парижѣ остается навсегда самымъ пріятнымъ событіемъ въ моей жизни. Пожалуй его можно назвать историческимъ въ полномъ смыслѣ. Послѣ раздѣленія церквей какой же православный русскій архіерей былъ за границей для какой-либо миссіи? И послѣ меня доселѣ еще никто не былъ тамъ. Не простому случаю приписываю это,—а Промыслу Божію. Мое посѣщеніе Парижа сопровождалось обращеніемъ аббата Гетте въ православіе,—а онъ своими изданіями познакомилъ и знакомить иностранцевъ съ православною Церковію весьма успѣшно. Какое участіе принималъ я въ обращеніи Гетте,—онъ самъ рассказываетъ въ статьѣ, помѣщенной въ переводѣ въ журналѣ „Вѣра и разумъ“ 1886 г.,—и я только скажу, что о. Владиміръ (нынѣ 3-й священникъ при Парижской право-

славной церкви) вполне оправдываетъ взятую на себя миссію, и справедливо удостоенъ степени доктора православнаго богословія.

Штутдгардтъ и Висбаденъ.

На обратномъ пути изъ Парижа по приглашенію великой княгини Ольги Николаевны, нынѣ королевы Виртембергской, я со свитою заѣхалъ въ Штутдгардтъ. Великая княгиня пожелала, чтобы я 8-е сентября отслужилъ обѣдню въ домашней ея церкви, настоятелемъ которой доселѣ состоитъ достопочтенный о. Базаровъ. Ему я поручилъ спросить великую княгиню, когда она прикажетъ встрѣтить ее при входѣ въ церковь. Она отвѣчала, что сама меня встрѣтитъ въ половинѣ 11-го часа, чтобы видѣть, какъ облачаютъ архіерея— чего она не видѣла еще. Въ свое время я прибылъ въ церковь и облачался при ней. Во время великаго выхода на обѣдни (къ Херувимской пѣсни пришелъ въ церковь и наслѣдный тогда принцъ, мужъ Ольги Николаевны) я замѣтилъ что Ольга Николаевна плачетъ, и самъ нѣсколько смутился. За обѣдомъ я рѣшился къ слову спросить великую княгиню, что за причина ея слезъ. Она отвѣчала, что вспомнила о Россіи и житѣе въ ней. Какъ я рада бываю, когда встрѣчу здѣсь русскаго человѣка; скучно вѣдь здѣсь. Принцу Карлу (нынѣшнему королю) представилъ меня В. И. Титовъ, бывшій въ то время посланникомъ въ Штутдгардтъ, предъ обѣдомъ. Между прочимъ наслѣдныи принцъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ меня въ Петербургѣ при погребеніи императрицы Александры Феодоровны. Объяснялись по-нѣмецки. Въ Штутдгардтъ посѣтилъ я со свитою такъ называемый Ротенбургъ, гдѣ есть церковь въ которой погребена Великая Княгиня Екатерина Павловна. Тамъ мы отслужили панихиду и послѣ любовались великолѣпными видами на горѣ съ виноградниками. Въ Висбаденѣ приглашалъ насъ мѣстный священникъ І. Л. Янышевъ, нынѣшній протопресвитеръ. Здѣсь я отслужилъ литургію и панихиду по усопшей Елисаветѣ Михайловнѣ Великой Княгинѣ, дочери Великой Княгини Елены Павловны. Мужа покойной, герцога Нассаускаго, не было въ Висбаденѣ, онъ находился въ какой-то провинціи на парадномъ смотрѣ; однакожъ распорядился чрезъ своего гофмейстера:

пріемомъ насъ. За обѣдней много набралось молящихся нѣмцевъ, и на лѣвомъ клиросѣ пѣли нѣмцы по-русски (слова были на нотахъ написаны по-нѣмецки). Церковь Висбаденская отлично устроена и дорого она стоитъ, ибо изъ мрамора сдѣлана. Саркофагъ надъ гробомъ великой княгини Елисаветы Михайловны изваянь съ изображеніемъ ангела (или точнѣе лика усопшей) — превосходно; входъ къ могилѣ спускается внизъ. Невдалекѣ отъ церкви находится русское кладбище, на довольно возвышенномъ мѣстѣ; я поспѣтилъ его и любовался имъ. За границей это единственное, отличное наше кладбище. Осмотрѣли мы и окрестности Висбадена и особенно внимательно Биберихъ, внизу котораго плещутся довольно мутныя воды Рейна. Радужный нашъ хозяинъ о. Иванъ Леонтьевичъ старался сдѣлать пребываніе наше въ Висбаденѣ вполне пріятнымъ,—въ чемъ и успѣлъ. На прощанье—русскія дамы поднесли мнѣ ониксовыя четки, которыя я храню доселѣ.

Берлинъ и Потсдамъ.

На пути Веймаръ проѣзжали мы ночью, и остановились въ Берлинѣ, котораго мы не могли за поспѣшностію осмотрѣть прежде, ѣдучи въ Парижъ, хотя и останавливались тамъ. Я рѣшился осмотрѣть, по возможности, достопримѣчательности, и осмотрѣлъ Тиргартенъ, музей, школы нѣкоторыя, и главный соборъ лютеранскій, и придворную церковь и проч. Берлинъ не произвелъ на меня особеннаго впечатлѣнія; вездѣ въ немъ видна какая-то сухая, формальная искусственность, если можно выразиться, подстриженность, даже въ обращеніи Берлинскихъ нѣмцевъ образованныхъ; въ средней же, бюргерской средѣ очень замѣтна неделикатность и грубость, что испытала наша свита при поѣздкѣ въ Потсдамъ, когда я долженъ былъ обратиться къ жандармскому офицеру съ просьбою—унять пьяныхъ солдатъ и мальчишекъ, кричавшихъ смотря на протодіакона Оболенскаго: „Шамиль, Шамиль!“—Въ Потсдамѣ осмотрѣли мы дворцы, сады, парки. Это прекрасное мѣсто и для здоровья и для гулянья.—Былъ я также и въ русской слободѣ близъ Берлина. Не рассказываю ея исторіи, но скажу, что домики ея построены на русскій манеръ, но ни русскаго духа, ни рус-

скаго языка тутъ не слышно, хотя есть и церковь, и въ ней по временамъ совершается служеніе. Въ Берлинской посольской церкви я не служилъ, а только осматрѣлъ ее. Во время моего на обратномъ пути посѣщенія Берлина русское посольское чиновначаліе было въ отпуску еще. Протоіерей Серединскій, къ сожалѣнію, не пользовался любовью въ Берлинѣ, хотя былъ умный человекъ. Онъ совсѣмъ отличался по характеру отъ Васильева, хотя были они товарищи по Академіи.

Прибытіе обратно въ Петербургъ и обычная дѣятельность.

Въ Петербургъ возвратился я со свитою, помнится, 16-го Сентября черезъ Ковну, гдѣ я впервые увидѣлъ викарія преосвященнаго Александра, бывшаго архіепископа Литовскаго въ послѣдствіи, и котораго пришлось мнѣ и похоронить въ 1884 г. въ Вильнѣ. На другой же день послѣ приѣзда явился я, конечно, прежде къ своему митрополиту съ устнымъ пока отчетомъ о поѣздкѣ, затѣмъ къ Оберъ-Прокурору графу А. П. Толстому, который какъ-то холодно отнесся къ моему повѣствованію по своему апатичному характеру. 18-го или 19-го Сентября пригласилъ меня къ себѣ министръ иностранныхъ дѣлъ князь А. М. Горчаковъ. Онъ принялъ меня весьма ласково, благодарилъ въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ меня за удачное исполненіе миссіи. „Я ожидалъ, что Ваше Преосвященство исполните порученіе хорошо; но чтобы такъ все превосходно вышло, не ожидалъ. Я знаю каждый шагъ Вашъ, и уже донесъ Государю (онъ былъ въ Крыму тогда) обо всемъ, Ему пріятно будетъ узнать подробно Ваше путешествіе“. Расцѣловались мы любезно,—и я простился съ Горчаковымъ въ пріятномъ расположеніи духа. Черезъ нѣсколько дней пригласила меня къ себѣ Великая Княгиня Елена Павловна въ Михайловскій дворецъ свой. Она благодарила меня за то, что я отслужилъ въ Висбаденѣ обѣдню и панихиду по ея дочери, подробно спрашивала меня о поѣздкѣ, и высказывала свои сужденія о мѣстахъ, мною заграницею посѣщенныхъ, и лицахъ, съ которыми я видался. Замѣчательно умная это была женщина. — По справедливости она пользовалась огромнымъ вліяніемъ и при Дворѣ и въ обществѣ.

На первыхъ порахъ послѣ пріѣзда изъ Парижа мнѣ положительно не давали покоя визиты разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, мужчинъ и дамъ, какъ будто я, побывавши за границей, измѣнился. И наскучило мнѣ многимъ повторять одно и то же. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ моя поѣздка пріобрѣла мнѣ репутацію широкую и учинила авторитетъ, къ зависти однакожъ нѣкинхъ моихъ собратій. Слава Богу, что все удалось отлично; но сколько нужно было мнѣ перенести безпокойствъ и опасностей за себя и за спутниковъ моихъ, сколько нужно было такту и осторожности!

Впечатлѣнія улеглись; публика наша наслушалась и читалась о нашей поѣздкѣ въ Парижъ.—и жизнь моя потекла обычнымъ порядкомъ. Пошли частыя опять служенія, консисторскіе журналы и протоколы, хожденіе съ докладами къ митрополиту. Обычный ходъ дѣлъ нарушила поѣздка на празднованіе тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ въ началѣ Сентября 1862 г. Владыка Исидоръ пригласилъ меня съ собою на торжество, чему я радъ былъ, конечно. Торжество это соединенное съ освященіемъ памятника, красующагося теперь на площади въ Новгородѣ, описано было въ свое время въ печати. Я скажу только нѣчто не написанное. Въ 1862 г. уже ходили разные противуправительственные толки, и между прочимъ пущень былъ слухъ, что подъ митрополличьимъ домомъ, гдѣ остановился покойный Государь Александръ II и Государыня Марія Александровна съ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ, заложены мины, чтобы взорвать дворецъ. Начались секретно самыя тщательныя розыски,—и оказалось, что слухъ пущень ложный; но тревожное состояніе все-таки оставалось. Торжество (8 Сентября) совершено при большомъ стеченіи народа и воѣскъ на площади. Молебствіе служили: митрополитъ Исидоръ, я и преосвященный Теофилактъ Старорусскій, викарій новгородскій. Обѣдъ былъ въ залѣ дворянскаго собранія. Послѣ обѣда Государь и Государыня разговаривали со многими. Государь меня спросилъ: „Когда вчера у Васъ кончилось?“ Я понялъ, что онъ спрашиваетъ о торжествѣ перенесенія св. мощей 7-го Сентября въ Соборѣ.—отвѣчалъ:—„Въ часъ дня“. Государыня обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: „Вы въ первый разъ въ Новгородѣ?“—„Нѣтъ отвѣчаю, я здѣсь слу-

жилъ прежде два года ректоромъ Семинаріи“.—„Гдѣ Вы остановились?“—„Въ Антоніевомъ монастырѣ“.—„Мы,—сказала она,—завтра тамъ будемъ“. И дѣйствительно, 9-го Сентября посѣтили монастырь. Встрѣтили настоятель монастыря и ректоръ Семинаріи архимандритъ Макарій (епископъ нынѣ Виленскій). На ту пору былъ большой вѣтеръ, и Высочайшія Особы, не осматривали Семинаріи, хотя намѣрены были; но прямо изъ монастыря, послѣ поклоненія мощамъ преподобнаго Антонія, уѣхали. Я очень былъ радъ, что мнѣ удалось отслужить въ Антоніевомъ монастырѣ, послѣ перенесенія мощей въ новую раку, на которомъ, какъ сказано прежде, я не могъ быть въ 1860 г.

Леонтій, Митрополитъ Московскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
